

DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-56-121-130>

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)53

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. В. Б. Зусева-Озкан
г. Москва, Россия

**«КОМЕДИЯ О ЕВДОКИИ ИЗ ГЕЛИОПОЛЯ,
ИЛИ ОБРАЩЕННАЯ КУРТИЗАНКА» М. А. КУЗМИНА
КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ПЬЕСЫ
А. А. БЛОКА «ПЕСНЯ СУДЬБЫ»**

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 19-78-10100) в ИМЛИ РАН

Аннотация: В статье предлагается гипотеза о том, что одним из источников пьесы А. А. Блока «Песня Судьбы» (1908) является «Комедия о Евдокии из Гелиополя, или Обращенная куртизанка» (1907) М. А. Кузмина. Анализируется фрагмент статьи Блока «О драме» (1907), посвященный этой пьесе Кузмина, отмечаются те моменты, на которых специально останавливается Блок, и проводятся параллели с его собственной пьесой. Указываются значительные совпадения на разных уровнях структуры двух пьес: в системе персонажей, мотивном комплексе, сюжете, жанре; в частности, предлагается не учтенный прежде источник заимствования имени главного героя «Песни Судьбы» (Герман). Утверждается, что в обоих случаях разыгрывается основанный на гностическом учении сюжет спасения и достижения совершенной, сакральной любви, так что обе пьесы превращаются в мистерии (что и сам Блок подчеркивал в своем отклике на произведение Кузмина). Демонстрируются взаимопревращения двух женских образов: традиционного, соответствующего норме гендерного дисплея образа сначала блудницы, а затем святой (у Кузмина, который облакает свою мистерию в форму агиографической стилизации с ее жесткой системой топосов) и гендерно неоднозначного образа спасительницы/воительницы (у Блока, в чьем творчестве этот образ является принципиальным).

Ключевые слова: А. А. Блок, М. А. Кузмин, мистерия, гностический миф, сюжет спасения, блудница, воительница, пленная Мировая Душа, фемининность.

Информация об авторе: Вероника Борисовна Зусева-Озкан — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9537-108X>. E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com

Дата поступления статьи: 15.08.2019

Дата публикации: 28.06.2020

Для цитирования: Зусева-Озкан В. Б. «Комедия о Евдокии из Гелиополя, или Обращенная куртизанка» М. А. Кузмина как один из источников пьесы А. А. Блока «Песня Судьбы» // Вестник славянских культур. 2020. Т. 56. С. 121–130. DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-56-121-130>

Драматическая поэма А. А. Блока «Песня Судьбы» многократно привлекала внимание исследователей и хорошо описана в разных своих аспектах. В том числе обильно, хотя и с разной степенью убедительности, писали об источниках этой пьесы, которые предстают в виде внушительного и крайне разнородного материала: от жизненных впечатлений и личных обстоятельств Блока, через библейские тексты [13, с. 67–68; 20, с. 40–41; 22, с. 186], гностический миф (прежде всего в обработке Вл. С. Соловьева, но еще и, например, в изложении Ф. Ф. Зелинского [12, с. 70–83]), сектантство [10; 26, с. 356–359], к произведениям А. С. Пушкина [9, 373–377; 15, с. 199, 206; 22, с. 178–179], Н. В. Гоголя [13, с. 45, 62–65, 74, 77], Ф. М. Достоевского [14, с. 103–106; 22, 184], А. Н. Островского [6, с. 557], М. Горького [5], Л. Н. Андреева [11; 21], Г. Ибсена [19; 23], М. Метерлинка [6, с. 560], а в области музыки — Р. Вагнера [12, с. 99–101] и Ж. Бизе [24, с. 71–72]. Общеизвестным является такое свойство творчества Блока, как полигенетичность [16, с. 374]. И тем не менее до сих пор не привлекала внимания еще одна литературная параллель, и весьма вероятная, — по нашему мнению, одним из источников «Песни Судьбы» является «Комедия о Евдокии из Гелиополя, или Обращенная куртизанка» (1907) М. А. Кузмина.

Хотя о творческих пересечениях Блока и Кузмина уже писали [25; 17], внимание Блока к этой небольшой пьесе Кузмина осталось недооцененным. Между тем статья Блока «О драме» (1907), точнее, тот ее фрагмент, что посвящен этой пьесе, дает богатую пищу для размышлений. Прежде чем перейти к ее обсуждению, отметим, что первое издание и публичные чтения Кузминым «Комедии о Евдокии...» как раз приходится на начало работы Блока над «Песней Судьбы». Так, 30 марта 1907 г. после публичного чтения комедии у Вяч. Иванова Кузмин отмечает: «Блоку, кажется, не понравилось» [7, с. 339] — впечатление, которое либо быстро изменилось (см. запись от 5 апреля: «Георгий Ив<анович> говорит, что Блоку теперь очень нравится Евдокия» [7, с. 342]), либо изначально было положительным. Работа над черновым автографом «Песни Судьбы» на его обложке датирована как раз апрелем 1907 г. – 29 апреля 1908 г. То есть впечатление, произведенное на поэта пьесой Кузмина, совпало с начальным этапом работы над его собственной драмой. Добавим также, что в библиотеке Блока сохранились три издания этой пьесы¹, а его высокая оценка «Комедии о Евдокии...», высказанная в статье «О драме», впоследствии не менялась.

Принципиальны те моменты, на которых фокусирует свое внимание Блок. Начинает разговор о «Комедии...» он издалека — с того, что «имя Кузмина связано всегда с пробуждением русского раскола, с темными религиозными предчувствиями России XV века, с воспоминанием о “заволжских старцах”, которые пришли от глухих болотных топей в приземистые курные избы» [3, с. 94], тогда как очевидный космополитизм кузминского творчества — лишь «обман» и «поверхность». Нам важны здесь не подразумеваемые, возможно, Блоком биографические связи Кузмина со старообрядчеством, вполне реальные, а сам ход мысли поэта: напомним, что в «Песне Судьбы» — где Фаина тоже является своего рода «обращенной куртизанкой» — отчетливо возникает тема раскола. Фаина, воплощение тайной, глубинной Руси, ведет свое происхождение из раскольничьего села. В рассказе Монаха она фактически является в мир из огня: «В черную ночь увидел я багровое зарево над рекой. Это — раскольники сжигались: старая вера встала заревом над землею... И стало на селе Фаины светло, как днем. Ветер

¹ Цветник Ор: Кошница первая. СПб.: Оры, 1907; Кузмин М. А. Три пьесы. СПб., 1907 (с дарственной надписью автора); Кузмин М. А. Комедии: О Евдокии из Гелиополя. О Алексее, человеке Божьем. О Мартиниане. СПб.: Оры, 1908 (с дарственной надписью автора) [2, с. 40, 41, 308].

гнул деревья, и далеко носились искры, и пламя крутилось в срубах. Из рева псалмов, из красного огня — спустилась Фаина в синюю тень береговую <...>» [4, с. 116].

Далее Блок настойчиво называет кузминскую «Комедию...» мистерией: «Мистерия, лежащая перед нами <...>» [3, с. 94]; «“Комедия о Евдокии” приближается к роду “лирической драмы”, “мистерии”, “священного фарса”. Это неопределенное количество отдельных сцен, написанных играющей прозой и воздушными стихами. Мелодия мистерии звенит, как серебряный колокольчик, в освеженном вечернем воздухе» [3, с. 94]. Между тем общеизвестны значение мистерии в творчестве Блока и тот мистерийный элемент, который содержится в «Песне Судьбы» [18], чьим фундаментом, как показала Д. М. Магомедова, является гностический миф в двух его взаимодополнительных вариантах — о пленной, спящей Мировой Душе, подлежащей спасению героем, и о плененном злыми силами героем, освобождаемом софийной героиней [12, с. 70–83]. Примечательно, что дело доходит до совпадения мотивов как словесных формул — сопрягая в статье мистирию и звон колокольчика, Блок повторяет этот звук в своей пьесе, и тоже в мистерийном контексте епифании: «Издали доносится пение раннего пелуха. <...> Потом набегает ветер, клонит колючий бурьян, шуршит в крапиве и доносит звон колокольчика, торопливое громыханье бубенцов и конский топ. Где-то близко останавливается тройка. Через минуту, на фоне необъятной дали и зарева, является Фаина» [4, с. 139]; «<...> голос колокольчика, побеждая бубенцы, вступает в мировой оркестр, берет в нем первенство, а потом теряется, пропадает, замирая где-то вдали на сияющей равнине...» [4, с. 145].

Определив жанр пьесы Кузмина, Блок пересказывает ее сюжет: «Блудница Евдокия — “роза Гелиополя” — в миг тайной грусти, от которой не спасают магические мази, духи и ароматы и поклонение всего Гелиополя, услышала голос монаха, произносящего евангельские слова, и “приняла в себя небесный луч”; раздав драгоценности, она посвятила себя Богу в святой обители, куда нашел себе дорогу влюбленный в нее юноша Филострат. Мольбы его о том, чтобы она воротилась в обожающий ее город, были тщетны, и Евдокия заставила Филострата постричься, обещая ему, что он будет видеть ее через долину ручья, со стен своего монастыря» [3, с. 94–95]. Отметим значительные совпадения с «Песней Судьбы» и на этом, сюжетном уровне, как и на уровне системы персонажей.

Одна из героинь блоковской пьесы, Фаина, находится примерно в той же ситуации, что и Евдокия. Она тоже предмет мужского обожания, эстрадная певица, властвующая над толпой благодаря своей необыкновенной красоте, причем в черновом варианте друг главного героя, Германа, называет ее не просто «каскадной певицей с очень сомнительной репутацией», но и добавляет: «Детище большого города — холодного разврата и фабричной гнили» [4, с. 294]. Собрание поклонников в артистической уборной Фаины весьма напоминает поклонников Евдокии — как присутствующих на сцене, так и лишь упоминаемых, со всеми их безумствами.

При этом, как и Евдокия, Фаина — героиня мятущаяся, тайно тоскующая по спасителю, который предстает, в частности, и в облике Христа: «И плывет <...> на льдине такой светлый... так и горит весь, так и сияет... будто сам Иисус Христос...» [4, с. 135]. Когда Фаина бьет Германа бичом по лицу, он еще раз уподобляется Христу — на этот раз в речи Друга: «Се человек» [4, с. 128].

Отметим еще и такую важную деталь, впервые отчетливо сформулированную Д. М. Магомедовой: две героини «Песни Судьбы», Фаина и Елена, на самом деле представляют собой не две разные сущности, но две ипостаси одного лица, или, точнее,

воплощения двух стадий одного пути: «Фаина — “стихийный”, земной полярный двойник Елены — воплощает черты падшей Софии, заключенной в земное тело, плененной и тоскующей» [12, с. 35], тогда как Елена — Софии в славе. «Имя Фаина (Phaënnos) по-гречески — “сияющая”. Иными словами, как и Елена, Фаина — Дева Света. <...> Эпитет “сияющий”, глагол “сиять” сопровождают Фаину и в репликах персонажей, и в авторских ремарках <...>» [12, с. 35]. Елена же — изначально воплощение Света, персонаж явственно ангелоподобный: «Все белое, Елена. И ты вся в белом... А как сияли перья на груди и на крыльях...» [4, с. 104]; «Еще с того холма я увидел ваше белое платье и, как будто, большие белые крылья у вас за плечами» [4, с. 106]. В контексте сопоставления с пьесой Кузмина две героини Блока предстают как параллели к Евдокии до и после обретения ею святости.

Напротив, один герой у Блока соединяет две сущности, которые у Кузмина представлены в виде двух разных героев — влюбленного Филострата и монаха Германа, чьи слова и преображают героиню. Укажем на никогда, насколько нам известно, не отмечавшуюся «одноименность» блоковского и кузминского персонажей. Генеалогия имени Германа у Блока возводилась и к пушкинскому Германну из «Пиковой Дамы», и к немецкому словосочетанию Herr Mann («Господин Человек») [6, с. 556], учитывая мистериальную подоплеку пьесы, но отмечаемая нами параллель дает гораздо более очевидный источник заимствования.

Как Филострат у Кузмина, так Герман у Блока — самый безумно влюбленный из поклонников героини. Как Филострат готов даже уйти в монастырь, лишь бы иметь возможность созерцать Евдокию, так Герман уходит из своего идиллического дома в страшный мир, чтобы увидеть Фаину (здесь своего рода обратное движение, но с тем же результатом). Кстати, имя Филострат по-гречески означает «любящий войско»; неизвестно, сознавал ли это Блок, но его мужской персонаж, Герман, несомненно, ориентирован на образ героя-воина (в одной линии рецепции — на вагнеровского Зигфрида, в другой — на «князя», участника Куликовской битвы): «Что это? Рог? Сухой треск барабанов! Вот он идет... идет герой — в крылатом шлеме, с мечом на плече...» [4, с. 157]; «Я знаю, как всякий воин в той засадной рати, как просит сердце работы, и как рано еще, рано!.. <...> Опять — торжественная музыка солнца, как военные трубы, как далекая битва...» [4, с. 144].

Итак, с одной стороны, Герман в системе персонажей «Песни Судьбы» соответствует Филострату в «Комедии о Евдокии...», с другой же, он соответствует авве Герману, поскольку он в некотором роде тоже призван спасти Фаину, вывести ее из сна, плена: «Тебя, светлый, жду, бури жду, солнца красного жду! Встань, солнце, развеи туманы, светлым ветром разнеси!» [4, с. 140] — говорит Фаина о Германе. И еще: «Это — солнце горит на твоём лице! Ты — тот, кого я ждала. Лебедь кричит, труба вызывает! Час пробил! Приди!» [4, с. 145]. В конечном счете Герман призван передать ей весть о Христе — недаром он ему уподоблен.

У Кузмина Блок отмечает среди персонажей «Ангела, неизменного спутника важнейших событий “священного фарса”», который «говорит свои красивые, Бог знает смешные ли, печальные ли — слова о том, что “к спасенью небом все ведутся разно”, о “легком ярме” веры, о пострижении Евдокии и о влюбленности Филострата и о неведомом и незнаемом конце и покорности» [3, с. 95]. Но в черновой редакции «Песни Судьбы» тоже есть Ангел (впоследствии превратившийся в Монаха), спутник Елены, рассказывающий ей о Фаине; как и Ангел у Кузмина, он говорит о нахождении пути, о спасении.

Блок пространно цитирует речи Евдокии, природные топосы которых напоминают о репликах Фаины над обрывом реки, разделяющей ее и Германа: «Вы будете меня видеть: вы пострижетесь у аввы Германа, который возьмет на себя руководство вами. Нас будет разделять только долина ручья; стены нашего монастыря видны с ваших стен; мы будем видеть одни и те же облака, будем чувствовать один и тот же дождь, и, когда взойдет одна и та же одинокая вечерняя звезда, я буду молиться о вас, который будет думать обо мне» [3, с. 95]. Ср. в «Песне Судьбы»: «привиделся ты мне на том берегу», «ветер осенний», «река разливная» [4, с. 141] и пр. Примечательно и то, что в обеих пьесах с героиней связан локус монастыря, причем в «Песне Судьбы» эта ассоциация сюжетно не мотивирована — см., например: «Монастырь стоял на реке. И каждую ночь ждала она на том берегу. И каждую ночь ползали монахи к белой ограде — посмотреть, не махнет ли рукавом, не запоет ли, не сойдет ли к реке Фаина...» [4, с. 115].

Мотив цветника, связанный с Еленой и обычно соотносящийся комментаторами и исследователями с реалиями шахматовской жизни («Странно жить здесь без тебя в пустом доме. Наши деревья все пышнее, сирень покрыта цветами, будут сильно цвести жасмины, ирисы и лилии. Только розы замерзли. Не отходят») [1, с. 302] — из письма А. Блока Л. Д. Менделеевой-Блок от 9 июня 1908 г.), в этой перспективе может быть соотнесен и с цветником Евдокии в монастыре («И правда: что может быть нежнее, милее цветов? Я думаю, что Господь, так старательно, так пестро их раскрасивший, любит их» [8, с. 223]) и ее песней о лилиях и розах в саду Христа.

Даже и мотив звезды в связи с мотивом спиритуальной любви («... когда взойдет одна и та же одинокая вечерняя звезда, я буду молиться о вас, который будет думать обо мне» [3, с. 95]) в «Песне Судьбы» присутствует, хоть и в черновиках. Этой звездой является Ангел — некогда павший на поле брани воин: «Когда вознесла меня белая дева, я стал казаться людям новой звездой. Каждую ночь я описывал предназначенный мне круг над миром, и влюбленные смотрели на мой восход и закат, а звездочеты измеряли свой путь» [4, с. 276].

Собственно, и финалы двух пьес очень близки по своей сути. Влюбленный Филострат и Евдокия навечно оказываются соединены-разъединены: их связывают духовная любовь и любовь к Богу и разъединяют земное пространство и время. Так и у Блока пьеса заканчивается разлукой Фаины и Германа на земле («Встретиться нам еще не пришла пора. Он зовет. Живи. Люби меня. Ищи меня. Мой старый, мой властный, мой печальный пришел за мной» [4, с. 158]), но провидимой перспективой духовного восхождения и воссоединения героя и героини (в облике Елены, которая идет спасти заплутавшего во вьюге Германа).

В конечном счете сюжетный стержень у двух пьес оказывается один. В обоих случаях это сюжет спасения и достижения совершенной, сакральной любви — сюжет, столь значимый в этот период у Кузмина, тоже, кстати, не чуждого гностическому учению (см., например, поэму «Всадник» 1908 г., стихотворения третьей части «Сетей»: циклы «Мудрая встреча», «Вожатый», «Струи», датирующиеся 1907–1908 гг.), а у Блока являющийся константой на всем протяжении его творчества, но наиболее отчетливо и подробно разработанный именно в «Песне Судьбы».

Отметим также напоследок, что у Блока этот сюжет спасения нередко разыгрывается с участием героини-воительницы; в частности, в том же 1907 г. написаны стихотворения «За холмом отзвенели упругие латы...» и «Ты пробуждалась утром рано...», где зигфридоподобный герой оказывается спасен полубожественной героиней-вальки-

рией. Чертами валькирии наделена и Елена в черновиках «Песни Судьбы»: «Помню, когда я упал на щит в шумящем поле, белая дева, похожая на тебя, Елена, обняла меня и подняла над землею» [4, с. 275]; «Белые одежды, серебряные латы, золотые пряди волос. <...> Здравствуй, Елена!» [4, с. 379]. Таким образом, хотя образ героинь у Блока и Кузмина равно глубоко укоренен в традиции, у первого она выступает в более активной, гендерно неконвенциональной позиции, тогда как у второго вписывается в традиционную для фемининного гендерного дисплея схему «от блудницы к святой», где героиня неизменно пассивна. Видимо, отчасти это связано с тем, что, хотя оба поэта пишут по существу мистерию, лишь Кузмин облакает ее в одежды агиографической стилизации, в рамках которой женский персонаж в гораздо большей степени обязан соответствовать гендерной норме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 А. А. Блок — Л. Д. Менделеева-Блок. Переписка. 1901–1917. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2017. 720 с.
- 2 Библиотека А. А. Блока. Описание. Л.: Изд-во БАН, 1985. Кн. 2. 416 с.
- 3 Блок А. А. О драме // Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Наука, 2003. Т. 7. С. 83–100.
- 4 Блок А. А. Песня Судьбы // Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Наука, 2014. Т. 6. Кн. 1. С. 101–159, 275–424.
- 5 Венгеров Н. А. Блок и М. Горький // Горьковские чтения. 1953–1957. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 200–261.
- 6 Долотова А. М. [Комментарий к «Песне Судьбы»] // Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Наука, 2014. Т. 6. Кн. 1. С. 525–587.
- 7 Кузмин М. А. Дневник 1905–1907. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. 608 с.
- 8 Кузмин М. А. Комедия о Евдокии из Гелиополя, или Обращенная куртизанка // Стихи и проза. М.: Современник, 1989. С. 204–229.
- 9 Лотман Ю., Минц З. «Человек природы» в русской литературе XIX века и «цыганская тема» у Блока // Минц З. Г. Александр Блок и русские писатели. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 343–388.
- 10 Любимова О. Е. Блок и сектантство: «Песня Судьбы», «Роза и Крест» // Александр Блок: Исследования и материалы. М.; СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 69–89.
- 11 Магомедова Д. М. «Андреевский» пласт в пьесе Блока «Песня Судьбы» // Блоковский сборник. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006. Вып. XVII: Русский модернизм и литература XX века. С. 9–18.
- 12 Магомедова Д. М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М.: Мартин, 1997. 224 с.
- 13 Минц З. Г. Блок и Гоголь // Александр Блок и русские писатели. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 22–85.
- 14 Минц З. Г. Блок и Достоевский // Александр Блок и русские писатели. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 86–112.
- 15 Минц З. Г. Блок и Пушкин // Александр Блок и русские писатели. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. С. 145–260.
- 16 Минц З. Г. Функция реминисценций в поэтике А. Блока // Блок и русский символизм. Избранные труды: в 3 кн. СПб.: Искусство-СПБ, 1999. Кн. 1: Поэтика Александра Блока. С. 362–388.

- 17 Письма М. А. Кузмина к Блоку и отрывки из дневника М. А. Кузмина / предисл. и публ. К. Н. Суворовой // Литературное наследство. М.: Наука, 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 143–174.
- 18 Приходько И. С. [Вступительная статья к комментарию] // Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М.: Наука, 2014. Т. 6. Кн. 1. С. 435–440.
- 19 Приходько И. С. «Крушение героя» в сознании А. Блока 1906–1908 гг. // Шахматовский вестник. М.: Наука, 2010. Вып. 10–11. С. 19–28.
- 20 Приходько И. С. Мифопоэтика А. Блока: Историко-культурный и мифологический комментарий к драмам и поэмам. М.; Владимир: Изд-во МГПУ: ВГПУ, 1994. 134 с.
- 21 Приходько И. С. Леонид Андреев и Александр Блок: «Книга Судеб» и «Песня Судьбы» // Русская литература конца XIX – начала XX века в зеркале современной науки. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2008. С. 196–203.
- 22 Родина Т. М. Александр Блок и русский театр начала XX века. М.: Наука, 1972. 312 с.
- 23 Толмачев В. М. А. Блок и Х. Ибсен: опыт компаративного исследования // Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. 2016. Вып. 2 (47). С. 45–61.
- 24 Хопрова Т. Музыка в жизни и творчестве А. Блока. Л.: Музыка, 1974. 152 с.
- 25 Шмаков Г. Блок и Кузмин (Новые материалы) // Блоковский сборник. Тарту: Изд-во ТГУ, 1972. Вып. II. С. 341–364.
- 26 Эткинд А. Хлыст: Секты, литература и революция. М.; Хельсинки: НЛО, 1998. 685 с.

© 2020. Veronika B. Zuseva-Özkan
Moscow, Russia

**“THE COMEDY OF EUDOXIA OF HELIOPOLIS,
OR THE CONVERTED COURTESAN” BY M. A. KUZMIN
AS A SOURCE OF A. BLOK’S PLAY “THE SONG OF FATE”**

Acknowledgements: The research was carried out with support of a grant from the Russian science Foundation (project no.19-78-10100) at IWL RAS.

Abstract: This paper puts forward the hypothesis that “The Comedy of Eudoxia of Heliopolis, or The Converted Courtesan” (1907) by M. Kuzmin served as a source of A. Blok’s play “The Song of Fate” (1908). The author analyzes the fragment of Blok’s article “On Drama” (1907) focused on this play by Kuzmin, emphasizes the points which Blok made specific references to, and draws parallels between the two dramas. The study reveals substantial similarities on various levels of their structure (within the system of characters, motif complex, plot, and genre); in particular, a previously unaccounted for source of the main character’s name (German) is indicated. The paper argues that in both cases the plot of salvation and achieving the perfect, sacred love, which is actually based on the Gnostic teaching, plays out, so that both dramas turn out to be mystery plays (the fact, which Blok himself emphasized in his review of Kuzmin’s work). The author highlights the interconnectedness of the two female characters: traditional gender image of the loose woman becoming a saint (Kuzmin

has mystery play embodied into the form of hagiographic stylization), and the gender-ambivalent image of the female warrior saving the protagonist (Blok always attached great importance to this figure).

Keywords: A. Blok, M. Kuzmin, mystery play, Gnostic myth, plot of salvation, prostitute, female warrior, imprisoned Soul of the World, femininity.

Information about the author: Veronika B. Zuseva-Özkan — DSc in Philology, Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9537-108X>. E-mail: v.zuseva.ozkan@gmail.com

Received: August 15, 2019

Date of publication: June 28, 2020

For citation: Zuseva-Özkan V. B. “The comedy of Eudoxia of Heliopolis, or the Converted courtesan” by M. A. Kuzmin as a source of A. A. Blok’s play “The Song of Fate”. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 56, pp. 121–130. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-56-121-130>

REFERENCES

- 1 A. A. Blok — L. D. Mendeleeva-Blok. *Perepiska. 1901–1917* [Correspondence. 1901–1917]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017. 720 p. (In Russian)
- 2 *Biblioteka A. A. Bloka. Opisanie* [Library of A. A. Blok. Description]. Leningrad, Izdatel'stvo BAN Publ., 1985. Book 2. 416 p. (In Russian)
- 3 Blok A. A. O drame [About drama]. In: Blok A. A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 2003, vol. 7, pp. 83–100. (In Russian)
- 4 Blok A. A. Pesnia Sud'by [The Song of Fate]. In: Blok A. A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 2014, vol. 6, book 1, pp. 101–159, 275–424. (In Russian)
- 5 Vengerov N. A. Blok i M. Gor'kii [Blok and M. Gorky]. In: *Gor'kovskie chteniia. 1953–1957* [Gorky readings. 1953–1957]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1959, pp. 200–261. (In Russian)
- 6 Dolotova A. M. [Kommentarii k “Pesne Sud'by”] [Commentary on “The song of Fate”]. In: Blok A. A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 2014, vol. 6, book 1, pp. 525–587. (In Russian)
- 7 Kuzmin M. A. *Dnevnik 1905–1907* [Diary of 1905–1907]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ., 2000. 608 p. (In Russian)
- 8 Kuzmin M. A. Komediia o Evdokii iz Geliopolia, ili Obrashchennaia kurtizanka [Comedy about Eudoxia from Heliopolis, or the Converted courtesan]. In: *Stikhi i proza* [Poems and prose]. Moscow, Sovremennik Publ., 1989, pp. 204–229. (In Russian)
- 9 Lotman Iu., Mints 3. “Chelovek prirody” v russkoi literature XIX veka i “tsynganskaia tema” u Bloka [“Man of nature” in literature of the 19th century and “Gypsy theme” by Blok]. In: Mints Z. G. *Aleksandr Blok i russkie pisateli* [Alexander Blok and Russian writers]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2000, pp. 343–388. (In Russian)
- 10 Liubimova O. E. Blok i sektantstvo: “Pesnia Sud'by”, “Roza i Krest” [Blok and sectarianism: “Song of Fate”, “Rose and Cross”]. In: *Aleksandr Blok: Issledovaniia i materialy* [Alexander Blok: Research and materials]. Moscow, St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1998, pp. 69–89. (In Russian)

- 11 Magomedova D. M. “Andreevskii” plast v p'ese Bloka “Pesnia Sud'by” [“Andreevsky” layer in a Blok's play “The Song of Fate”]. In: *Blokovskii sbornik* [Blok's collection]. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus Publ., 2006, vol. XVII: Russkii modernizm i literatura XX veka [Russian modernism and literature of the 20th century], pp. 9–18. (In Russian)
- 12 Magomedova D. M. *Avtobiograficheskie mify v tvorchestve A. Bloka* [Autobiographical myth in the works of A. Blok]. Moscow, Martin Publ., 1997. 224 p. (In Russian)
- 13 Mints Z. G. Blok i Gogol' [Blok and Gogol']. In: *Aleksandr Blok i russkie pisateli* [Alexander Blok and Russian writers]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2000, pp. 22–85. (In Russian)
- 14 Mints Z. G. Blok i Dostoevskii [Blok and Dostoevsky]. In: *Aleksandr Blok i russkie pisateli* [Alexander Blok and Russian writers]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2000, pp. 86–112. (In Russian)
- 15 Mints Z. G. Blok i Pushkin [Blok and Pushkin]. In: *Aleksandr Blok i russkie pisateli* [Alexander Blok and Russian writers]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2000, pp. 145–260. (In Russian)
- 16 Mints Z. G. Funktsiia reminitsentsii v poetike A. Bloka [The function of reminiscences in the poetics of A. Blok]. In: *Blok i russkii simvolizm. Izbrannye trudy: v 3 kn.* [Blok and Russian symbolism. Selected works: in 3 books]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 1999, book 1: Poetika Aleksandra Bloka [Poetics of Alexander Blok], pp. 362–388. (In Russian)
- 17 Pis'ma M. A. Kuzmina k Bloku i otryvki iz dnevnika M. A. Kuzmina [Kuzmina to the Blok and excerpts from the diary of M. A. Kuzmin], preface and publication by K. N. Suvorova. In: *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, Nauka Publ., 1981, vol. 92, book 2, pp. 143–174. (In Russian)
- 18 Prikhod'ko I. S. [Vstupitel'naia stat'ia k kommentariiu] [Introductory article to the commentary]. In: Blok A. A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 2014, vol. 6, book 1, pp. 435–440. (In Russian)
- 19 Prikhod'ko I. S. “Krushenie geroia” v soznanii A. Bloka 1906–1908 gg. [“The crash of a hero” in the mind of A. Blok 1906–1908]. In: *Shakhmatovskii vestnik* [Shakhmatovsky Vestnik]. Moscow, Nauka Publ., 2010, vol. 10–11, pp. 19–28. (In Russian)
- 20 Prikhod'ko I. S. *Mifopoetika A. Bloka: Istoriko-kul'turnyi i mifologicheskii kommentarii k dramam i poemam* [A. Blok's mythopoetics: Historical, cultural and mythological commentary on dramas and poems]. Moscow, Vladimir, Izdatel'stvo MGPU: VGPU Publ., 1994. 134 p. (In Russian)
- 21 Prikhod'ko I. S. Leonid Andreev i Aleksandr Blok: “Kniga Sudeb” i “Pesnia Sud'by” [Leonid Andreev and Alexander Blok: “The book of Fate” and “The song of Fate”]. In: *Russkaia literatura kontsa XIX – nachala XX veka v zerkale sovremennoi nauki* [Russian literature of the late 19th – early 20th century in the mirror of modern science]. Moscow, IWL RAS Publ., 2008, pp. 196–203. (In Russian)
- 22 Rodina T. M. *Aleksandr Blok i russkii teatr nachala XX veka* [Alexander Blok and the Russian theater of the early 20th century]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 312 p. (In Russian)
- 23 Tolmachev V. M. A. Blok i Kh. Ibsen: opyt komparativnogo issledovaniia [A. Blok and H. Ibsen: the experience of comparative study]. *Vestnik PSTGU*, Series 3: Filologiya [Philology], 2016, vol. 2 (47), pp. 45–61. (In Russian)

- 24 Khoprova T. *Muzyka v zhizni i tvorchestve A. Bloka* [Music in the life and work of A. Blok]. Leningrad, Muzyka Publ., 1974. 152 p. (In Russian)
- 25 Shmakov G. Blok i Kuzmin (Novye materialy) [Blok and Kuzmin (New materials)]. In: *Blokovskii sbornik* [Blok's collection]. Tartu, Izdatel'stvo TGU Publ., 1972, vol. II, pp. 341–364. (In Russian)
- 26 Etkind A. *Khlyst: Sekty, literatura i revoliutsiia* [The whip: Sects, literature, and revolution]. Moscow, Khel'sinki, NLO Publ., 1998. 685 p. (In Russian)